

ЖЕНСКИЕ ИСТОРИИ

Анастасия КОМАРОВА

ЧУДОВИЩЕ
И КРАСАВИЦА

Анастасия Комарова

Чудовище и красавица

«Центрполиграф»

Комарова А.

Чудовище и красавица / А. Комарова — «Центрполиграф»,

Почему в жизни так происходит? Когда Демон позвал Настеньку в Париж, ее предупреждали, что это может плохо закончиться. Так оно, собственно, и случилось. Так почему она плачет от счастья, вспоминая самую страшную сказку в своей жизни? У Ольги есть почти все, что нужно для счастья. Но почему она добровольно отодвигает в сторону последний и самый важный пазл в картине полной гармонии? Настеньке было двадцать пять, когда ей пришлось ответить себе на этот вопрос. Ольге исполнилось тридцать три незадолго до того, как она сделала свой выбор. Но Даше-то, Даше всего лишь шестнадцать! Можно ли, утопая в нервотрепке выпускных экзаменов и дурмане цветущей сирени, сознательно отвернуться от первой любви?

Содержание

Чудовище и красавица	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Анастасия Комарова

Чудовище и красавица

Чудовище и красавица

Повесть

*Посвящается фан-клубу группы «Танцы Минус» и девушке под
никном Любася*

*Но по-своему несчастное
и кроткое,
Может, было то животное...*

В. Высоцкий

*И даже если это счастье,
Ты выбрал синий фломастер.
Перечеркнул это небо.
Перемахнул быть на небыль.*

В. Петкун

Голос лениво и дерзко скользит по лезвию бритвы.

Скорее сам режет черный пластик динамиков в углах теплого, искусно затемненного пространства. И рвет атмосферу уютного покоя. Атмосферу, которую прилежно соткали здесь, тонко переплетясь, обычные для таких мест запахи – кофе, свежая выпечка, энергичный и невесомый дневной парфюм.

Умные люди говорили, он как наркотик. Без него плохо. С ним – еще хуже.

Она не верила и верила, смеялась и делала вид, что боится. Именно делала вид, потому что ей уж точно бояться было нечего.

Бывают такие девушки, словно заговоренные от любых наркотиков, так же как от всего остального – зависти, прозы, предательства, разочарований. Не иначе добрые феи дают им при рождении эту лучшую защиту – безоговорочную, как дар, любовь всего мира и ко всему миру. Настю они наделили еще мечтательным, чутким умом и твердым сознанием собственной исключительности. Бывают такие сказочные Настеньки, неосознанно и стойко верящие в свое предназначение – расколдовывать, разрушать злые чары, снимать любые заклятия одной лишь верой в любовь и счастье.

Вот уж не думала она слушать здесь радио. По уму в таком месте должен бы звучать джаз, ну или в крайнем случае рэги – ан нет! Такова, видимо, особенность молодой русской демократии: концептуальное кафе или простая забегаловка – не имеет значения. Везде гоняют FM, и форматы по-прежнему для всех одни. Разница лишь в правой колонке меню.

Впрочем, их дело, даже забавно, только вот зачем она сегодня здесь оказалась? Именно сегодня, когда почти уже поверила в желанное избавление от зависимости. Когда весь год – с ломками, слезами, токсикозом и мыслями о суициде – из крови заботливо, методично и профессионально выгонялся смертельный яд. Отравляющая субстанция, единственная способная придавать жизни смысл. У нее вроде получилось – и не могло быть иначе. Бывают такие принцессы, которым просто не суждено умереть в грязной канаве от передоза. И вот теперь – что это?! Последнее искушение или повод к срыву?

Иду по дороге, заплаканной дождиком,

И ветер в лицо так целует меня.
Иду по дороге, тебя представляя под зонтиком,
И губы твои вместо ветра меня
Целуют так нежно...
Целуют так нежно...
Целуют так нежно...
Но это – не я...¹

Голос дрожит, словно вот-вот заплачет. Или рассмеется. Или сейчас иссякнет, сорвавшись на стон или предсмертный хрип... но ничего такого не происходит. Разве только ты вдруг понимаешь, что невольно плачешь. Или смеешься. Или стонешь. Или умираешь – в зависимости от природной склонности.

Она уже привыкла, только странно было услышать его здесь.

Официант под стать месту – симпатичный мальчик, явно студент, явно платного отделения, явно рекламного факультета, готов до конца смены отважно умирать от скуки в ожидании редких, слишком уж дорого, посетителей. Передавая бармену заказ, он вдруг оживился, прибавил звук, быстро оглянулся на элегантную блондинку за столиком в дальней нише – не мешает ли? А потом прислонился к стойке, впери́л глаза в потолок и, забывшись, растворился в песне.

Мешает. Мешает. И ты, дружок, даже не представляешь как.

Этот голос раздражает и, как всегда, уводит за собой.

И, как всегда покоряясь, ее взгляд покидает мягкие, сливочно-карамельные тона уютного зала. И в роскошном проеме окна она видит совсем другое. То, чего не должна и не желает сегодня видеть. То, что идет вразрез с советом доброго доктора. Для поддержания душевного покоя ей прописаны радостные цвета, теплый климат, спокойная музыка... Скоро, слишком скоро все это у нее будет.

А пока – прозрачно-серый снег слипся в крупные, влажные комки. Презрев собственную тяжесть, они несутся параллельно земле, врезаются в глянцевые бока иномарок не менее злобно, чем в мутные стекла измученных «жигулей». Ледяная серая грязь выстреливает из-под колес, лупит, в хулиганском раже не разбирая направления и силы, в витрины дорогих кафе, в лица прохожим. Которые, бедняги, не знают, что делать с руками – то ли хватать полы взлетающей одежды, то ли закрывать мокрое, замерзшее лицо.

Апрель... Снег, жуткий ветер и мороз. Простуды, депрессия и синдром хронической усталости. Скоро они исчезнут. И все же навсегда останутся с ней.

Ни на что другое не дает надежды этот голос.

Хриплый и нежный, он вибрирует, срывается то на одну, то на другую сторону острой грани. Плотный бархат тембра вдруг фамильярно растягивает тревожная, пронзительная интонация московской шпаны, дразня предчувствием опасности... и голос рвется. И повисает под потолком лохмотьями короткого густого дыхания.

– Энергетика так и прет! – радостно констатировала когда-то подруга Лера.

Это было давно – в прошлом году, в иной жизни. Когда Настенька была еще принцессой. Когда еда еще имела вкус, цветы – запах, а жизнь – смысл.

– Хорошая энергетика, полезная. И для души, и для тела!

Так говорила Лерка, и уверенная линия слишком тонких ухоженных бровей на тонком, слишком ухоженном лице неуловимо менялась, когда она добавляла, поучительно подняв пальчик:

¹ Стихи Алины Славинской.

– Для тела в основном – ниже пояса. У него сексуальная чакра открыта, забыла, какая по счету, та, что между пупком и лобком...

И они улыбались друг другу сдержанно и понимающе. В их улыбках была та особая порочность, какая доступна лишь невинным.

– Удачный имидж. Как это... Эрос и Танатос в одном флаконе!

Лера тогда окончила институт связей с общественностью и выискивала PR во всем, что попадалось ей на глаза. А найдя, принималась подвергать очередное явление смачному анализу.

– Смесь полового инстинкта с материнским – беспроектный вариант, просто на пятерочку!

С ней трудно было не согласиться. В самом деле. Эти странные глаза – глаза ребенка, который недавно плакал, на усталом лице взрослого мужчины... Как она сказала? Смесь полового с материнским? И верно, убийственное сочетание. Неосознанная амбивалентность разит наповал – не одно, так другое, в зависимости от характера смотрящей, заденет, заставит остановиться, собьет дыхание. Не в сердце, так внизу живота застрянет этот образ, чтобы ныть, напоминая о себе, как старый ушиб перед сменой погоды. А еще бывает, и это уже серьезно, что навывлет прошибет голову – ну, это когда все вместе. Когда «удачно» сойдутся обстоятельства – инстинкты и рефлекс, две порции текилы, твоя молодость и его голос...

– Ваш чай, пожалуйста, – прилежно выговаривает доброжелательный мальчик.

Он забавный. Даже привлекательный. Почему он ее так бесит? Не потому ли, что умышленно наклонился пониже, пытаясь рассмотреть лицо, когда зажигал свечку? Какая к черту днем свечка... Потому что подошел чересчур близко? Ему интересно вдохнуть запах духов загадочной посетительницы.

– Спасибо...

За толстым стеклом изысканно неровного бокала дрожит душистое вещество. Запах тонкий. Слишком тонкий – такой, что пить не хочется. Запах скорее духов, чем напиток. Полезный напиток – успокаивает нервную систему, очищает сосуды, способствует пищеварению. Она с подозрением заглядывает в бокал. Там, в глубине горячей субстанции, экзотические сушеные цветы распускаются у нее на глазах, а кажется – это живые каракатицы, уродцы, осьминоги-карлики шевелят щупальцами, выворачиваются наизнанку, сваренные заживо в зеленовато-желтом кипятке. От них поднимается теплое марево странно пахнущего пара.

В самом деле можно это пить? Она поняла, что не будет.

Легкая суета за спиной – еще две посетительницы, единственные, кроме нее, выбрали из свободных столиков именно тот, что рядом. И принялись нарушать интимно-музыкальную тишину.

– Ну и как у вас? Вообще, какой он? – спрашивает одна равнодушно и проникновенно. Так может спрашивать только барышня определенного возраста.

Вторая отвечает не сразу, сначала чиркает зажигалкой и шумно вдыхает. Капризно растянутый говор выдает в них юных москвичек.

– Вроде нормально... Не знаю...

– Ты его любишь? – с жадной надеждой спрашивает первая.

– Какая у него машина, ты не представляешь! Таких в Москве штук пять от силы...

Почти театральная пауза после этой реплики заставляет ее слабо улыбнуться, впервые за день.

– Ну, он же тебе нравится? – немного недоуменно интересуется первый голос.

– Он весь мир видел, по четыре раза в год выезжает, в индивидуальные туры.

Она морщится. Превращает улыбку в стандартную гримасу. Продолжение разговора известно ей почти дословно.

– А-а... Здорово! Ну а в постели он как? – Надежды все меньше в трепетном голосе.

– Он мне вчера шубку подарил... Недурное качество, даже мама оценила. Жаль только, короткая, по колено...

Собственная кровь продолжает совершать маленькое предательство, норовит в любую секунду остановиться, сладко замерев в венах. Песня не кончается. И она не выдерживает. Со злорадным облегчением достает сигареты. Пачка странная – явно не новая, но почти полная. Она не курила уже, наверное, недели две – бросала. Наплевать. И вот бумажная палочка привычно тлеет в ухоженной руке. С фаланги безымянного пальца сорвался голубой луч, жестко ударил в глаза, туда же угодил дым неловко прикуренной сигареты. И снова это слишком знакомое и старательно забываемое ощущение, когда от первой слезы так несносно режет веки.

– Он, конечно, тот еще перец! – с уважительным смешком говорила когда-то давно умничка Лера. – Но, согласись, когда слышишь это... Хочется дать ему все счастье и утешение мира... Хочется дать ему все... Хочется дать ему... Хочется дать... Хочется...

Так говорила Лера, и они принимались хохотать, счастливые и пьяные собственным цинизмом и свободой.

Обещала же не курить... зачем? Остается недоумевать. Она придвигает пепельницу, задумчиво рассматривая кольцо...

Недавно на Кузнецком она сама выбрала этот перстень. Нет, нет, камень не самый крупный. Просто самый дорогой. Отутюженный менеджер суетливо демонстрировал какие-то бумажки, толкуя о несусветной чистоте камня. Павлу такая покупка ничего не стоила. Молодой преуспевающий банкир, член совета директоров, совладелец крупного коммерческого банка. Он давно и надежно волочился за ней. Забавно было наблюдать, как сочетается с робостью классического «головастика» напор состоявшегося дельца. Она давала ему надежды не больше, чем всем остальным, не менее достойным кандидатам, а среди них встречались молодые спортсмены, престарелые плебейи, веселые программисты и brutальные бард-роковые певцы...

И потому совершенно ошалел, когда этой зимой, сразу после Нового года, а точнее – на одной из разудалых святочных вечеринок, сбылось то, о чем он и не мечтал, тем более что способность мечтать не входит в VIP-набор его сильных сторон. Зато там есть полезная привычка брать быка за рога, благодаря которой теперь они – одна из самых заметных пар столичного бомонда. Оба угодили в этот круг избранных, он – благодаря своим деньгам, она – внешности и профессии.

Интеллигентные люди, они не дают повода для скандалов и сплетен. Все у них «чинно, благородно». Уважение, взаимопонимание, спокойная гармония отношений – как и положено у любящих пар. Увлекательное будущее, красивая жизнь. И они даже не без удовольствия снялись для одного глянцевого журнала. Фотография вышла милая: она – безукоризненно хороша и непринужденна, а он, порозовевший от непривычного внимания репортера, трогательно приподнял светлые брови и доверчиво прижимается к ней добротной тканью костюма от Brioni.

Только однажды – это было в самом начале весны, когда мартовский ветер терзал рекламные щиты и Москва окончательно утонула в снегу, на нее вдруг обрушилась истерика. Странная – практически на ровном месте.

В тот вечер Павел, расслабленный от шампанского и неожиданного счастья, опустился на колени перед помпезным псевдосталинским креслом. Трепетно взял полулежащую в нем невесту за руку. И предложил ей провести «медовую неделю» в Париже.

С ней было что-то страшное. Пришлось вызывать врача, испугались все не на шутку... Потом, благодаря стараниям щедро оплачиваемых специалистов, сердечной заботе близких и силе молодого организма, срыв забылся, как страшный сон. Специалисты расценили странное явление как не такое уж странное, сообщив, что по весне, да в мегаполисе, да на почве предсвадебных волнений случается, дорогие коллеги, и не такое. Получив причитающееся, специалисты благословили нервную пациентку на долгую счастливую жизнь. Правда, взяли с нее

слово не курить, больше спать, гулять на свежем воздухе и радовать себя яркими красками, теплым климатом и тихой, спокойной музыкой...

Ну вот, сейчас тревожные ноты утонут в волнах эфира. И можно будет выдохнуть. И быстрее уйти отсюда, заплатив за невыпитый чай... Что это? Не может быть – теперь еще и побеседуют! Она оглядывается почти против воли, бросает испуганный взгляд на источник звука и замирает, прислушиваясь.

– Демон, говорят, твой новый альбом – последний?

– Да.

Голос как будто издевается, как будто тот, кому он принадлежит, ловит свой непонятный кайф от этого тихого безоговорочного «да».

– Действительно уходишь? Считаешь, в нашем шоу-бизнесе что-то не так? Если да, то когда это началось?

– Все не так. А началось это, когда артистов перестали хоронить за кладбищенской оградой.

– Э-э...

Как быстро на полированный говорок диджея опустилась пыль осторожности! Понятно, не хочется в самом начале эфира быть благожелательно посланным на три буквы. А от этого персонажа с устрашающим псевдонимом можно ожидать всего.

– Ммм, говорят еще, ты собираешься покончить с полигамностью... Неужели женишься?

– Ну, вероятно, когда-то придется все же это сделать, хотя бы для того, чтобы избавиться от таких вопросов... А вообще, спросите у тех, кто говорит, им виднее.

Разговор за спиной обрывается на полуслове, когда одна из барышень, та, что интересовалась любовью, восклицает:

– Во молодец, а! Обожаю его за это...

– А-а... Волшебный Голос Джельсомино, понятно... Да ведь он урод!

Неподдельное восхищение первой и не менее искреннее удивление второй не оставляют сомнений – над пропастью разного отношения к жизни этих полуподружек держит лишь шелковая тесьма общей тусовки.

– Не-а, он хороший... – мечтательно не соглашается вторая, – побольше бы таких уродов... Да неужели не слышишь – он же просто членом поет!

Поклонница? Ей не надо поворачивать голову, чтобы оценить ту, кто это сказала. Она и так знает, что его почитательницы делятся на три группы. Первая, и основная, – те, кому пару лет назад запал в душу трогательный образ монстра. Когда мудрый продюсер углядел неожиданный в певце-самоучке актерский талант. «Просто с его внешностью не надо тратить на грим для маньяка!» – шутили тогда острословы. Но и они притихли, когда в конце закрытого показа зал обливался слезами от жалости и сочувствия... нет, не к жертвам – фиг с ними, с жертвами, сами виноваты... А к главному герою – убийце. Вторая группа – странные личности, которым нравятся сами песни, мрачно-романтичные и довольно простые, жестокие и добрые, типа «ты, да я, да мы с тобой, да ты без меня, да я без тебя, это было давно, и вообще все это фигня».

– Вот ведь... а народу нравится! – восхищалась когда-то Лерка, усердно вычисляющая формулу успеха.

Понятно, впрочем, какому народу. И понятно за что.

Да, есть еще третья категория – извращенки, влюбленные в маргинальную внешность обаятельного страшили.

Она никогда не причисляла себя ни к одной из них.

Настя слегка поворачивает голову в сторону стойки, а мальчик-паинька тут как тут.

– Вам не понравился наш чай? – Разочарование в голосе звучит вполне профессионально, даже искренне.

«За это чертово радио, за этих идиотов рядом, за эту кошмарную, бесконечную зиму я бы разочаровала тебя еще и не так...» Она отказалась от соблазна увидеть выражение лица официанта, когда он услышит заказ, ради другого удовольствия – спрятать взгляд за прядями золотых волос и на обеспокоенные вопросы устало-подсевшим голосом ответить:

– Скажите, у вас есть коньяк? Сто граммов, пожалуйста. И лимон.

Она умиротворенно тушит вторую сигарету. Злорадно усмехается, наблюдая, как быстро густеют за окном мгла и холод. Ну и где ты, страшное воздаяние за несправедливую жизнь – обещанное глобальное потепление, которого все так боятся? Где же ты? Загостились в Европе и не торопишься к нам, грешникам? И правильно. Нечего здесь делать.

Не верится все же, что где-то, не так далеко, сейчас самая настоящая весна.

Прошлая весна в Париже началась так поздно, что ее устали ждать даже в этой любимой Богом стране. И так резко, что все тут же, не сговариваясь, сошли с ума. Последние годы мир заслуженно содрогается от череды небывалых природных катаклизмов, по сравнению с ними двухнедельный снегопад в начале марта, ветер и гололед – это, конечно, сущий пустяк, но все же... Все же давненько так не колбасило неразумную молодежь, давно так не плющило злополучных невротиков, давно Париж не посещало такое мощное весеннее обострение.

Открытое кафе под сенью старинных балконов и цветущих каштанов, на скатерти шевелятся кружевные тени беспокойной юной листвы. Центр Парижа – здесь даже столики уличных кафе не пластиковые, а деревянные, под старину. И так демократично колышутся на них розовые бумажные салфетки, флиртуя с теплым и свежим весенним ветром.

Настя сидит, выпрямив узкую спину, и все еще немного ошалело глядит на оттаявший, заживший какой-то своей, дивной жизнью город. Просто не верится, что где-то, не так далеко, сейчас самая настоящая зима...

Из этой зимы он выдернул ее почти что силой. Когда столичная тусовка, одуревшая от хронически-затяжных морозов и не менее затяжных праздников, вымучивала из себя последние капли куража и, не зная, что бы еще отметить, вяло отмечала День влюбленных.

– Почему не махнуть отсюда, дня на три хотя бы? Настюха, ну что, поедешь со мной в Париж? Поехали! А то мне одному скучно...

И так неотступно и магнетически звучал отовсюду его голос, столько спокойного дружелюбия и уверенной силы было в его глазах, что, услышав соблазнительное предложение третий или четвертый раз за вечер, она, хохоча сквозь слезы и мило отмахиваясь, сказала:

– Хорошо, хорошо, поеду... Демон, уйди, твоей харизмой разит на три метра вокруг!

Его внимание, элегантное, ненавязчивое, но достаточно явное, было приятно и льстило самолюбию. Оно и вообще-то не многим доставалось, а он – интересен, опасен, парадоксален, не такой, как все, «человек-скандал», человек-образ... К тому же он был сейчас в фаворе – у публики и критиков, у завистливых коллег и пронырливых журналистов.

Теперь он сидит напротив. Его смуглая рука с крупными ногтями и надутыми, словно переполненными кровью венами, притаилась на скатерти, подобно голодному, усталому зверю. Настя тянется к пачке «Житан», с садистским наслаждением проносит изящную кисть в опасной близости от этого зверя, пугая его возможностью беглого прикосновения. Но, так и не дотронувшись, рассеянно подносит сигарету ко рту.

Она кокетлива, как все красавицы. Некокетливые красавицы – такая же аномалия, как снег в Алжире или теплый март в Москве. И она с удовлетворением замечает взгляды по-весеннему галантных французов. На них действительно обращают внимание. Парижане, привыкшие ко всему, но алчно внимательные к жизни, нет-нет да и обернутся на странную парочку, появившуюся недавно на Елисейских Полях. Уж очень живописны эти мужчина и девушка. Уж очень подходят они их пьяному от любви городу.

– Будешь еще что-нибудь? – спрашивает он тихо.

Его голос вибрирует, выдавая волнение, которое с мучительной неизменностью будит в нем ее цветущий вид. Ее свежесть. Ее совершенство. Ее будущее, в котором ему нет места. И ставшая уже привычной покорность в жестах и интонации делает ответ очевидным.

– Нет. – Настя отвечает не думая, лишь бы быстрее слизнуть с губ горький, как дым «Житана», вкус этого слова.

Она не желает отказываться от саморазрушительного удовольствия – лишний раз произнести это «нет», с недавнего времени ставшее сомнительной, но необходимой опорой.

– Нет, – говорит она.

Вежливо улыбается и отводит взгляд. Хотя, очень возможно, полакомилась бы паштетом с темной хрустящей корочкой, что так аппетитно поглощает аккуратный румяный толстяк за соседним столом. Он удивительно ловко управляет с вилкой, выковыривает небольшие мягкие куски из глубины изящной паштетницы. При этом смотрит на Настю, прищурив светлоголубые глазки, лукаво и дружелюбно – так, будто все о ней знает. И почти подмигивает ей, как заговорщик, шепчущий: «Вижу, вижу, как он на тебя смотрит... Шер ше ля фам, се ля ви, амур, тужур, бонжур... Молодец, девочка, лови момент! Жизнь прекрасна, особенно весной в Париже...»

Она медленно допивает невкусный остывший кофе, с невольной ненавистью разглядывает буржуазного толстяка. Откуда ему знать, что она вот-вот заплачет от досады и раздражения? Что жизнь, возможно, и хороша сейчас для кого-то, да только не для нее...

Она рассеянно слушает его голос. Приглушенный влечением и уличным шумом, он рассказывает ей что-то забавное, наверняка интересное.

Демон неглуп, остроумен, едко-ироничен, его мысли завораживают, а подчас долго звенят в душе странно знакомыми отголосками. Сейчас, сейчас она заставит себя ответить... Но это трудно. Когда он сидит вот так, нахмурившись, когда смотрит исподлобья, опустив длинноволосую голову на уровень сутулых мощных плеч – он кого-то напоминает, страшно и волнующе отражаясь в душе, и она почти не может смотреть на него. Это раздражает, и она отворачивается.

– Ну что, пойдем прогуляемся до Лувра? – Он прерывает рассказ на полуслове, смирившись с ее ускользающей улыбкой.

– Нет, не хочу, – немедленно следует машинальный отказ.

На миг он прикрывает глаза под темными стеклами очков. Напряженно кривит губы... И все же бледнеет. Резко обостряются скулы на темном, нервном лице. Но только на миг. Этого не замечает ни она, ни промелькнувшая стайка говорливых студенток, ни дружелюбный лоснящийся толстяк.

...Но что-то надо хотеть. Не сидеть же весь день за этим столиком, вокруг которого дремлющий город повис в сиреневой неподвижности. И теперь уж она должна предлагать, потому что он сдался. Тяжело откинулся на хлипкую спинку стула, готовый бесконечно долго разглядывать красоты старинной улочки... А что она может предложить, если больше всего на свете ей хочется говорить ему «нет»?

Удивительно, как он не гармонирует здесь ни с чем! Ни с прозрачно-легкой синевой неба, ни с вечно молодыми древними улицами. Чужой, абсолютно выпадающий из контекста. Иностранное тело, как калек на танцах, как спираль в матке. Эта странная поросль на подборке – она что, призвана изображать модную нынче «эспаньолку» или он просто небрежно побрился сегодня? Его нарочито сутулый силуэт, неуклюжая, тяжелая походка режут глаза, и она отворачивается, не в силах вынести столь удручающее несоответствие, не в силах понять, почему почти не может смотреть на него... Однако окружающие, очевидно, не разделяют ее мнения. Прохожие улыбаются ему так же снисходительно и ободряюще, как и ей, а женщины опускают глаза или невольно поворачивают голову. Странная внешность завораживает, долго не позволяет оторваться от диковинного лица. Ровно до тех пор, пока его хозяин не стеганет

тебя затравленным взглядом пойманного волка. Ну конечно... Он не менее родной в этом зачарованном городе со своими бесформенными штанами и спутанной шевелюрой, чем она с аккуратной стрижечкой и детской свежестью. Тем более он влюблен. Так что скорее он в своем городе и на своем месте. Следовательно, это она здесь чужая...

Они здесь всего на три дня, и вот второй уже подходит к концу, на крыши ложится знаменитый розово-оранжевый отсвет, бульвары пустеют перед тем, как снова наполнятся по-вечернему нарядной толпой, от праздности жутко спешащей куда-то. Но они остаются неподвижными, не в силах покинуть это место, вовремя приютившее их, – так безветренная гавань прячет в шторм заплутавшие парусники.

Настя первый раз в Париже. И столько всего хотелось увидеть, а вот... Она сидит здесь и чувствует, как время пролетает мимо, унося с собой ожидания и надежды.

Он чувствует то же самое. Оба они не достигли цели. И каждый теперь втайне вкушает собственную боль – соленую боль несбывшихся желаний.

Потом они все же добрались до Лувра. Пу куа па? Почему бы нет? Лувр так Лувр, не все ли равно, как проводить время до вечера. Даже хорошо, когда вокруг полно народу, да и картины со статуями – очень даже то, что надо. Есть на что отвлечься. От себя. От него. Друг от друга.

– А ты видел Джоконду?

– Видел.

– Ну и как?

– Гениально...

Поднимаясь из-за столика, Настя в невольном гневе поводит плечами. Она не знает, где находится Лувр, но их бесконечное сидение в кафе, его убийственная покорность, собственное упрямство стали слишком ее тяготить, и теперь она уверенно идет впереди, двигаясь с упругой, медленной грацией. Она стройна, и он получает очередную жестокую возможность видеть... нет, не хрупкую гибкость тростинки, скорее силу. Натренированное гибкое тело, легкий загар, светло-пшеничный каскад волос – идеал античных скульпторов, раннесоветских физкультурных парадов и современных фитнес-тренеров. Без последних тут конечно же не обошлось, как не обошлось без турбосоляриев, массажей, обертываний и тому подобного. Что ж, за таким телом грех не ухаживать. Некоторая – неявная, но все же заметная, вычурность внешности – всего лишь одна из профессиональных необходимостей, не портит впечатления от юной сияющей красоты. Скорее наоборот. Такое лицо – и ни капли косметики, такая фигура – и более чем простая одежда, такая кожа – и никаких украшений, кроме черного шнурка на запястье! Это почти чересчур. Даже самые самоуверенные «танки» почувствуют дискомфорт, впервые усомнившись в недостижимости идеала.

...Эскалатор длинный, почти бесконечный. И она может сколько угодно разглядывать жуткий стеклянно-металлический каркас прямо над головой. Пирамида абсолютно прозрачная. Почему сквозь нее так трудно протиснуться ультрамарину неба? Почему кажется, будто оттуда исходит угроза? На что это похоже? Не на те ли пугающие острия из тонированного стекла, что венчают расплодившиеся недавно в родном городе странные офисные здания – не то резиденции дьявола, не то замки киборгов-людоедов? Та же беспардонная неуместность, та же агрессия в линиях. Может, это строил один и тот же человек? Смешно. И любопытно, что он думает об этом.

Кондиционированная прохлада, прозрачные невидимые перила, ровный рокот толпы и гулкая глубина подземелья. Она посмотрела вниз. И ничего не увидела – только бело-голубое пятно перед глазами плывет куда-то, увлекая за собой...

– О-ох!!

Она не успела испугаться, успела выдохнуть и неловко взмахнуть руками, кисть ощутимо задела что-то острое... И уже все в порядке. Теплые ладони держат ей локти, светлое

пятно растворяется, сквозь него быстро проступает встревоженное лицо. Очки съехали вниз и смешно висят на кончике носа.

– Ой...

– Как ты, нормально?

– Слишком резко, наверное, голову опустила... Это я... тебя?

– Сейчас нормально все?

– Да-да... Я тебе по очкам, что ли, съездила? Извини, нечаянно... Ай... О!! Ой, мама, извините, простите, сорри, пардон, пожалуйста!!!

Теперь чуть не падают оба. Стоя спиной к выходу, он опрометчиво отвлекся и не заметил, когда вдруг резко закончился эскалатор. И они вылетели в бесконечный простор нижнего вестибюля, спотыкаясь друг о друга, кого-то задевая, хохоча и сконфуженно извиняясь по-русски.

– Да что ж такое, е...ть?! – спросил он у кого-то, усмехнулся и потянул ее за руку, уводя подальше от стекающей на них бесконечной людской реки.

Свободной рукой она закрыла лицо, ткнулась лбом ему в плечо. И почувствовала, что оно сладко, по-родному, как и у нее самой, трясется от беззвучного смеха.

В тот миг оба невольно отметили про себя – отпустило. Опять на время отпустило их что-то, возникшее вчера, в начале первого дня. Вчера. А кажется, не меньше недели прошло с тех пор, как они мыкаются по улицам и музеям, пытаясь обрести ненадолго хотя бы имитацию покоя.

Всего лишь вчера. Но оба уже заметили, что их общение здесь, смена настроений... все это подозрительно циклично. И больше всего напоминает маниакально-депрессивный психоз в стадии обострения.

Сейчас, благодаря случаю, они оказались в начале маниакального периода – потому что не чувствовали на плечах необъяснимой душащей тяжести, потому что смеялись так, что приходилось держаться друг за друга.

Эта фаза была полна для обоих острого удовольствия, тем более острого, что они уже знали, насколько оно недолговечно. В такие мирные промежутки они разговаривали, понимая друг друга с полуслова, увлеченно спорили, с торжествующим изумлением открывая в другом если не единомышленника, то уж точно близкую душу.

Именно тогда она узнавала, удивляясь и ликуя, как много он знает. О скольком думает. Как борется с собой, сомневается и самоедствует.

Именно тогда он видел, как тонко может она чувствовать оттенки его состояний, как чутко понимает то, что понимает и любит он.

Именно тогда, на несколько благословенных минут, на их слишком горячие души опускались пушистые и прохладные крылья ангела.

Тогда они смеялись.

Смеялись, поправляя ему очки, неуместные в дымчатом пыльном полумраке, смеялись, ловя на себе удивленно-осуждающие взгляды, смеялись, видя вокруг картину, достойную кисти чокнутого сюрреалиста. Нормальную картину для нормального посетителя Лувра и дикую для постзастойных представителей – бесконечное на первый взгляд количество кассовых окошек с бесконечным количеством совершенно бесконечных очередей к каждому из них... Конечно, они смеялись. Вернее, это она смеялась, а он – снова привычно прятал улыбку, отчего-то не позволяя себе смех.

– Это что? – осторожно шепчет Настя.

– ...

– Что, все туда?! – Подняв подбородок, она оторопело вертит хорошенькой головкой.

– Угу... – Он смотрит только на нее, и в прозрачных глазах-хамелеонах вспыхивают смешливые искорки.

– Да... Здорово... А эта почему такая длинная?

– Догадайся.

– А... О-о-о... Понятно. Говоришь, она гениальная, да? Правда? Ммм... А что в ней такого?

– Да ничего.

Он упивается ее замешательством, бегло читая на открытом лице признаки забавной внутренней борьбы.

– Но ты же сказал – гениально!

– Ну, наверняка гениально, раз столько народу смотрит и все никак насмотреться не может... Либо картина гениальная, либо гениальная раскрутка – одно из двух. Но точно, что-нибудь одно – гениальное!

Она оставляет попытки охватить разумом и взглядом логику кишашего вокруг муравейника. И смотрит на него. И остаются только они – две неподвижные фигуры в эпицентре непрерывно двигающегося, закручивающегося людского вихря.

– Ты зачем меня сюда приволок? Ты знал, что здесь так? Да?

Она хочет выглядеть строгой. Это плохо получается. Слишком добрые глаза смотрят сейчас на нее. Утомленные, с тяжелыми веками, то ли от природы, то ли от образа жизни, а может – того и другого вместе, чаще всего они умно и насмешливо мерцают зелено-голубым фосфором из-под широких бровей. В очках его лицо становится интеллигентно-астеничным, но иногда, под ними, в глазах загорается такой шальной огонь, что становится понятно – их обладателю когда-то были не чужды ни портвейн в подъезде, ни бурные однодневные романы с поклонницами, ни бессонные, прокуренные номера провинциальных гостиниц.

– Ты сама приволоклась...

– Ага.

– Я только предложил...

– Ага.

– И вообще...

Но она перебивает, сознательно не замечая, как меняется его лицо от легкого прикосновения ладошки к сухим горячим губам. Такой непосредственный жест, такой естественный для нее.

Он послушно замолкает, и она медленно отводит руку от странного рта. Европейский овал с ямочкой на подбородке. На нем будто приклеенными выглядят удивительные губы. Асимметричная нижняя и верхняя – идеальная, словно скопированная с древних малоазийских скульптур. Такое сочетание дает необычный эффект, словно на лице его неизменно играет... «ухмылка Джокера!» – морщатся одни, «улыбка Будды...» – вздыхают другие.

– Скажи, а вот ЭТО... – она широко обводит рукой пространство зала, – это уже Лувр?

– Н-ну да...

– Точно он, да?

– Э-э... Да. А что?

На миг он расслабляется, не понимая, к чему она клонит. И тут же ироничные зеленые искры тонкой цепочкой пересыпаются из его глаз в ее. И теперь уже она наслаждается легкой паникой непонимания на его лице.

– А ничего... Значит, я уже в Лувре? То есть я уже здесь была, ага? Была в Лувре уже! Вот сейчас я в Лувре, это вокруг – Лувр, значит, я его уже посетила, правильно?

– Ну?

– Ну так и пошли отсюда!

Они снова смеялись.

А потом пугливый ангел улетал, разбуженный случайно сорвавшейся, слишком прозорливой мыслью, слишком непосредственным прикосновением, а чаще – слишком сильным и оттого опасным ощущением близкого счастья.

И тогда начиналась другая стадия. Следующая. Противоположная. Она длилась дольше, была тягостно-изнуряющей, почти разрушительной для обоих.

Тогда она ясно видела в нем зарвавшегося мачо, злого, порочного и опасного. Расчетливого дельца, который цинично прикрылся рваной джинсой романтики.

Тогда он обнаруживал в ней черты очередной жадной самки, которая хитро прячет блуд и поверхностность за хрупкими плечиками и мечтательным взглядом.

Это началось вчера, сразу... Когда он с неожиданным шальным азартом принялся погружать ее в сказочную атмосферу Парижа. Брал за руку и водил по городу. Показывал любимые места: тихие, сонные скверы, навсегда застывшие в вечном детстве, безлюдные улицы в серой глубине большого города, бульвары, мосты, Марсово поле, космически величественное и уютное одновременно, огромную черную голову бронзового быка, так похожую на него упрямым лбом. Он ловил ее реакцию, ища в ней совпадения со своими мыслями и эмоциями. Почему-то казалось, что они непременно должны быть... И она реагировала именно так и именно на то, вот только... Только что-то сразу пошло не так.

Когда рано утром, прямо из аэропорта, уставшие и похмельные, они позавтракали в сонном, свежем кафе отеля, он потянул ее в бутики на знаменитом треугольнике, видимо воображая себя Ричардом Гиром из «Красотки». Ему хотелось подарить ей что-то бессмысленно-роскошное – она приняла лишь золотой католический крестик из Нотр-Дам, такой малюсенький, что чуть не потерялся в глубоких линиях на его ладони. Он желал кормить ее улитками и фуа-гра – она соглашалась только на жареные каштаны в кулке из старой газеты, купленные у оборванца негра недалеко от сада Тюильри. Он предлагал отвести ее в Гранд-Опера, показать ошеломляющие фонтаны Версаля... Вместо этого они бродят по городу, как неприкаянные студенты. Что само по себе тоже было бы очень неплохо, если бы... Если бы не Париж. Если бы не весна.

Уже к обеду первого дня его искренние порывы заметно поутихли, оплавившись, будто свечка на торте, а к вечеру стало уже окончательно ясно, что роль простого, бескорыстно-щедрого рубахи-парня провалилась с треском. И спонтанная поездка, которая могла бы стать приятным, тешащим душу воспоминанием, красивым приключением или началом романа, не имеет шансов даже на дружбу. Какая же дружба выдержит это варварское и смехотворное противостояние? Да и кому она, собственно говоря, нужна?

Наверное, он мог бы плюнуть на все это и забыть, иронично посмеявшись над своей неудачей. Да и ей, вероятно, удалось бы расслабиться и получить удовольствие – от ухаживаний, подарков, общения, музеев, себя...

Если бы не мозолили глаза уже теплые, нежно-зеленые газоны, на которых, шокируя и изумляя непривычных туристов грациозностью юных тел и непринужденностью поз, так самозабвенно обнимаются подростки.

От усталости вечер еле держится на ногах и в изнеможении падает прямо на улицы. Потягивается и засыпает на сырых камнях мостовой блаженным сном обкурившегося бродяги.

Они идут к отелю. Отель – не роскошный, но респектабельный, как раз такой, какой нужно, расположен недалеко от квартала Марэ, в тихой пешеходной зоне, и путь их лежит через старинный район, с аристократическими особняками, уютными ансамблями крохотных площадей. Ветер, сумерки, узкий тротуар. Они устали от напряжения, от противостояния больше, чем могли предположить, и пользуются сумерками и узким тротуаром, чтобы молчать, погружившись в свои мысли, чтобы на время забыть друг о друге, об этом дне...

Тяжелая темная дверь призывно открыта и наполовину перегородила дорогу. Их будит, вырывает из спячки волна теплого, влажного аромата. Они послушно повернули туда, привлеченные знакомым запахом. Запахом Москвы. Ведь цветы везде пахнут одинаково, особенно если они голландские.

Они оказались в крохотном цветочном магазине. Зал, а скорее комнатка, был весь, буквально весь в цветах – пол, стены, воздух утопали в растениях, и даже потолок – с него на льняных веревках живописно свисали корзины, наполненные цветами.

Он, конечно, захотел купить ей цветы. Что ж, цветы – это можно. Цветы – это ничего. То есть почти совсем ничего – их принимают и дарят друг другу враги и друзья, партнеры и клиенты, учителя и дети, бабушки, врачи, пациенты и глупые, наивные поклонники.

Откуда-то выплыла, благосклонно улыбаясь, приятная девушка с внешностью наследной принцессы. В Париже все продавщицы – приятные девушки с лицом принцессы, занимающейся благотворительностью. Моментально определив в них иностранцев – не редкость в этих краях, – она вознамерилась было показать им что-то необыкновенное. Какие-то нежно-белые соцветия, запутавшиеся в колючей соломе, какие-то желто-зеленые кувшинки...

Настенька выбрала бархатную розу. Потому лишь, что сразу наткнулась на нее взглядом. Ярко-алая плотная головка на фоне влажной кудрявой зелени тропических мхов. Цветок был настолько не в ее вкусе и стиле, что оба – продавщица и он – невольно воззрились на нее с удивленно-оторопелыми лицами. Но она упрямо кивнула именно на эту розу, именно потому, что та была ближе всего и первой бросилась в глаза. Настя с усилием погасила в себе вспышку злости на услужливую цветочницу. Ну неужели непонятно... Да нет, конечно же ей непонятно, что она хочет поскорее отсюда уйти. В маленьком помещении у нее начиналась странная клаустрофобия – здесь было слишком ярко, слишком красиво, слишком большой и близкой в тесном пространстве становилась его сутулая фигура. Здесь слишком густо, слишком терпко пахло зеленым, и этот запах слишком гармонично смешивался с его запахом. И от всего этого у нее начинала кружиться голова.

Ей не хотелось долго здесь оставаться, не хотелось ломать с трудом обретенное полусонное спокойствие видом его суетливого, спешащего ухаживания – купить ей цветы, пока она не передумала, не вышла отсюда быстрее, чем он успеет протянуть ей единственный приемлемый, ни к чему не обязывающий дар... И хоть его лишь с огромным трудом можно представить себе суетящимся и взволнованным, а вот, однако ж, ей это удалось без труда. Что – это? Сделать его таким или же разглядеть суету и волнение во внешней вальяжности? Не все ли равно, раз она не могла видеть, просто терпела, пока он вымученно улыбался молоденькой продавщице, торопясь дать ей деньги до того, как Настенька передумает и уйдет.

Да, она хочет эти розы, именно эти розы – ткнула в них пальцем в ответ на вопрошающий взгляд девушки, а так как они стояли плотной монолитной массой, туго заполнив блестящее ведро – показала на пальцах «один» и медленно развернулась в сторону двери, демонстрируя, что обсуждения закончены, и ожидая, когда он заплатит. Она просто не могла поверить в то, что демоны умеют стесняться.

Визит этой пары поверг Катрин в изумление и задумчивость. Ее магазин известен составлением великолепных тематических букетов, она не раз привозила из Японии новые знания о тайнах икебаны, не говоря уже о дипломах и призах... Но этим двоим все это было явно на фиг не надо. Они взяли розу без упаковки, и, как ни пыталась она втолковать им, что цветок следует подобающим образом оформить, успела только завернуть колючий стебель в хрустящую бумагу. И они, заплатив за него цену полноценного дизайнерского букета, вышли из маленького магазинчика так быстро, как воры из частных владений.

Ну что тут скажешь, размышляла Катрин, вновь погружаясь в приятные весенние грезы, и что с них возьмешь? Одно слово – русские...

На третьем часу беспомощной борьбы она оставила попытки уснуть. Невозможно. Невозможно быть настолько циничной и непробиваемой, чтобы уснуть 19 апреля в Париже, в старом отеле, в номере с обоями под антикварный выцветший штоф, когда из открытой двери балкона в комнату и в сердце текут тонкие, нежные и горькие запахи – весенней ночи, теплого дождя, мокрой городской пыли, зелени платанов. Когда за стеной, на точно такой же кровати, скорее всего не спит мужчина, что привез ее сюда.

Умные люди предупреждали: он – чудовище.

Перед отъездом, когда она, совершенно не постигая, как могла так легко, будто шутя, как он и предлагал, согласиться на эту странную авантюру, подруга, умничка Лера, примчалась к ней и строгим голосом потребовала кофе. В то промозглое утро все это вдруг стало реальностью – когда он позвонил, невозмутимо сообщив про билеты и сроки.

– Ты что, собираешься с ним?!! – Тонкие брови на бледном лице многозначительно ползут вверх, желто-карие глаза, несмотря на ранний час, непривычно широко распахнуты.

– Да нет! Я просто хочу в Париж.

– А-а... Просто в Париж. Понятно.

– Что понятно?

– Да нет, ничего. Все понятно. Просто в Париж... Чего ж тут непонятного-то? Дай масла, пожалуйста, я поесть не успела... Что, и он – «просто»?

– Слушай, отстань, а? Чего ты от меня хочешь?!

Она послушно ставит рядом с пачкой ржаных хлебцев масленку и нож, и Лерка принимается деловито размазывать мягкую массу по ломкой шершавой поверхности.

– Что, нельзя просто съездить в Париж, по-твоему, да? Ты прямо как мой папа! – Настя говорит на повышенных тонах, как делает всегда, когда от чего-то обороняется.

– А что папа? – интересуется Лерка, похрустывая бутербродом.

– Ну, я родителям сказала, мол, собираюсь дня на три уехать, с приятелем, Париж посмотреть, а он мне цитату из Ницше: «Причинять боль тому, кого мы любим, – вот настоящая чертовщина. Высшее насилие над собой и причинение боли себе есть героизм»... А потом еще и откомментировал это, как всегда по-своему: мол, Ницше, конечно, мужик интересный, но в голове у него все с ног на голову перевернуто... Ты представляешь?!

– Да-а, папа у тебя умный.

– Только не говори, что поняла, к чему это он!!

– Может, и поняла...

Лерка задумчиво сыплет в кофе третью ложку сахара, и глаза ее серьезные, а в голосе удивляют забота и тревога, когда она говорит, словно предупреждая об опасности:

– Имей в виду, он неотвратимо сексуален, но с ним невозможно просто спать, бесконечно интересен, но с ним не получится просто общаться, у него имеются деньги и связи, но им нельзя пользоваться...

– Почему?

– Говорят, его можно только любить. Или ненавидеть.

– И что, нельзя поехать, да? – спрашивает Настя уже тихо и жалобно.

Садится напротив и, словно ожидая разрешения, вглядывается в Лерино лицо.

– Можно, можно... Конечно можно, еще бы... Да ты знаешь, что он за человек? С кем ты вообще-то едешь? И в качестве кого?

Горький аромат кофе соблазняет, она протягивает руку и обжигается, не глядя схватив кофейник. Подруга вздыхает, берет у нее из рук пустую чашку и, налив кофе, отставляет кофейник подальше.

– Ты слышала когда-нибудь, что он говорит о женщинах? В последнем интервью, например?

– Да знаю, знаю, отстань... при чем здесь интервью? Ты что, всему веришь, что в интервью говорят?

Она знала. Конечно знала, кто же этого интервью не слышал? И так же, как все, улыбалась, слушая ленивый низкий голос. «Вот молодец, а, вот дает! Лепит, что в голову приходит, а народ покупается! Супер!»

– Как он там... «Бабы – продажные твари... Лучше всех с этим пока справляются мусульмане...» Или что-то типа того...

– Типа. Если не хлеще... Ну и что?

– А то... К нему, я слышала, стоит очередь из разбитых сердец и еще такая же – из тех, что мечтают разбиться.

И Лерка принялась увлеченно рассказывать, как он отлично себя осознает. Как сотворил себе противоречивый имидж и как теперь умело им пользуется.

– Несколько раз был женат, но никто не видел ни одной его жены, раз в два месяца меняет любовниц, но никто не видел его с женщиной дольше одного дня... Может, он вообще педик, ну женоненавистник уж точно! Из тех, что любят всех подряд и при этом ни одну ни в грош не ставят.

Слушая это, Настя начинала легкомысленно улыбаться, и Лерке пришлось уточнять, специально для мечтательных тупых идиотов:

– Запомни, он просто хочет поиграть с тобой. Наберется впечатлений для нового альбома, а потом скажет какую-нибудь гадость – что ты не умеешь варить борщ или там мыть посуду...

Все просто. Только от этого почему-то не легче. Да еще эта роза, черт бы ее побрал! Благоухает так, что в пору застрелиться. Почему в Москве розы никогда не пахнут? Стоят себе и стоят, радуют глаз, украшают интерьер, тешат самолюбие, а эта... Ужас.

Она протянула руку, дотронулась до цветка и вздрогнула в темноте комнаты – настолько фактура лепестков напоминала бархатистой влажностью прохладную человеческую плоть. Настя отдернула руку, еще мгновение – и она прикончила бы жизнь растения, стиснув бутон в ладони. Перевернулась на спину, обреченно вздохнула и больше уже не пыталась закрыть глаза.

Солнечный свет нахально игнорирует добротную плотность ткани, постельные цветы горят не хуже, чем прожекторы, согревая кровать и спину под одеялом, отражаются от блестящей загорелой коленки. Как распустилась роза за одну ночь! Боже... Она прекрасна. Жаль будет оставлять ее здесь. А придется оставить – не тащить же завтра с утра в самолет. Жаль будет покидать Париж, так и не вкусив его усад. А придется покинуть. Еще один день впереди. Еще один день этих невнятных бродилок, смутных терзаний, неудобства и маеты...

Свет, тепло, роза, звуки и запахи проснувшегося города. Ну нет! Она проведет этот день в свое удовольствие. Во что бы то ни стало. Что за чушь, в самом деле? И в его удовольствие тоже. Сегодня она будет развлекаться. И развлекать его. И наслаждаться. Она не была неблагодарной, просто была молода и слегка напугана. И, несмотря на хроническое, постоянное, неотступное предчувствие чего-то неотвратимого, понимала, что вот уже два дня он дарил ей сказку. Что его голос, сопровождая ее в этой сказке, превращал город в заколдованный сад... Решено. Сегодня она скажет ему спасибо.

Эту решимость не сломила даже интимность душевой кабины, быстро наполнившейся благовонным паром и теплым светом, отраженным от шершавого розового кафеля. Хотя полупрозрачная бесшумная дверь-купе, и щекочущий пятки лохматый резиновый коврик, и мягкая роскошь огромных бежевых полотенец – все говорило о том, что здесь нужно мыться вдвоем.

Сегодня она будет нарядной. Черно-белое – то, что надо, чтобы подчеркнуть природную гармонию. Черная рубашка и белая льняная юбка. Она представила, как выйдет из номера и в полумраке коридора улыбнется ему неудержимо и весело... Она даже накроется. Выдвинула верхний ящик комода – кажется, туда кинула маленькую косметичку. Немного туши на

ресницы, возможно, даже тени для век... Еехватило только на то, чтобы провести по губам мокрым шариком блеска, и зеркало, вместе с отражением, испуганно задрожало – так сильно она хлопнула ящиком, спеша закрыть. «Чертовы французы, ну и нация, однако! Надо же было напихать в один номер столько презервативов – да их и за месяц не используешь! Особенно если пользоваться так, как я».

- Привет...
- Привет.
- Good morning...
- Morning.

Они оба плохо спали этой ночью. И это было заметно. Бледность, синяки под глазами – все это не укрылось от троицы бдительных английских старушек, которые занимались, кажется, лишь тем, что катались на лифте вверх-вниз, причем норовили втиснуться туда не одни, а именно с кем-нибудь. Только они, бедняжки, поняли эти признаки на лицах попутчиков по-своему, и, пока все вместе стояли в медлительной кабине старинного лифта, Настя не знала, как отвечать на их задорные, всепонимающие взгляды и ободряющие улыбки, которые говорили: «Да-да, и мы тоже были молодыми, мы тоже любили, мы тоже ездили в Париж с женихами и знаем, почему у вас такой усталый вид...» От старушек пахло счастьем – мылом, ландышами и сдобой, покоем, внуками и чистой совестью, правильно прожитой жизнью. От этого хотелось заплакать или кинуть в них чем-нибудь тяжелым – сразу во всех трех... Она сжала губы и кулаки. «Хотела веселиться – вот и веселись. И старушки не виноваты в том, что ты дура, что не можешь получить удовольствия даже тогда, когда оно подается тебе на блюдечке. Ведь не они же привезли тебя сюда, не они заставляют третий день испытывать чувства, совершенно для тебя нетипичные и некомфортные...» Настя нахмурилась, сдерживая слезы, готовая привычно сорвать обиду на том, кто был виноват. Но они уже вышли на улицу.

Их оглушили воздух и ветер, звуки, машины и люди. Она повернулась и улыбнулась ему. И взяла его за руку. И заявила, что хочет купить всем подарки – всем, кто остался в Москве. И пусть он покажет ей, где тут покупают сувениры, что-нибудь необычное, какой-нибудь салончик, может – блошинный рынок, Монпарнас или еще что-нибудь...

Это был очень длинный день, слишком насыщенный мелкими событиями, по сравнению с двумя предыдущими – сонными и тягучими как патока. С утра и до обеда они успели многое – сначала позавтракали вкуснейшим сыром и розовой ветчиной, разглядывая карту Парижа, сталкиваясь над ней лбами, потом помчались на какую-то живописную окраину, где накупили кучу милого, забавного и абсолютно ненужного хлама, после чего вдруг оказались в Латинском квартале, где благополучно забыли об обеде.

К четырем часам они, усталые, смеющиеся и куда-то спешащие, возвратились в отель только для того, чтобы бросить в номере сумки, умыться и встретиться вновь.

Это был длинный день, суматошный, странный, слишком веселый. И все это время она была блистательна, очаровательна, красива. И что самое ужасное – нежна. И от этой нежности у него иногда менялось лицо. И теплели глаза под очками.

Она делала вид, что смотрит на воду. Вода мерцала внизу апельсиновыми блестками, которые обещали вот-вот превратиться в малиновые. Она делала вид, что смотрит на воду, на самом же деле смотрела на его руки. Необычные, крепкие и нервные, неправильные и привлекательные, такие же, как он сам, они, казалось, были созданы для того, чтобы рыть когтями сухую землю или ломать хребты диким зверям, только не перебирать натянутые струны гитары, но пути Господни неисповедимы.

Потом она вспомнит, что именно здесь, на мосту, под теплым закатом разглядывая его руки, она призналась себе в истинной причине согласия поехать с ним. И хотя все другие при-

чины не отменялись – естественная человеческая мечта увидеть Париж, тщеславие молодой кокетки, острое любопытство, но главная была совсем в другом. Неосознанное и очень сильное желание его разгадать. Упростить его сложность. Увидеть в нем всего лишь очередной продукт саморекламы, найти в темной харизме ловкий PR-ход и тщательно разработанную легенду. В общем, развенчать миф, разочароваться и забыть.

Еще она призналась, почему хотела это сделать. Так было нужно для того, чтобы покоем и тише жилось на свете ее смятенной душе, открытой и чуткой, алчущей поверить в то, что мир устроен так, как говорит подруга Лера, и почему-то не могущей этого сделать.

У Лерки все было просто.

– Он женофоб? Естественно! Так часто бывает с чересчур романтичными юношами. Если на пике первой любви они вдруг обнаружат, что прекрасная нимфа, с которой хотелось разделить вечное чувство, просто проводит с ним время в ожидании удачного замужества.

Первая любовь – она ведь как дефолт 98-го года! По масштабам разрушений, производимым в только начавших богатеть юных душах, а еще более по отдаленным последствиям. Тут уж аналогия прямая – те, кто не выдержал удара, а таких большинство, остались влачить жалкое существование честных, но не очень способных, нанятых на зарплату работников. Другие, те, кто выжил, кого-то подмяв или задавив что-то в душе, превратились в гигантов, исполинов, монополистов любви, в общем – в эксплуататоров. Жестоких и расчетливых, знающих, что им надо и как этого достичь.

– Стоит ли их за это упрекать?

– Кого, нимф?

– А впрочем, хватит фрейдизма...

У Лерки все было просто. Жаль, что у нее не так... Однако, признав все это, оставалось признать лишь то, что ничего не вышло. Либо разгадка не далась ей в руки, либо загадки не было как таковой.

Она была не чужда самоиронии и, усмехнувшись, подняла голову, чтобы в первый раз взглянуть на него как равный на равного. Нет, она и раньше смотрела на него, и взгляд ее светлых глаз был ясен и прям, как у невинного ребенка. Ей ли этого не уметь, в конце концов, она ведь этим работает. Но то был именно «взгляд», а теперь она на него смотрела. Разница была очевидна, и она резонно полагала, что он это оценит. Важность такой перемены трудно было преувеличить. Еще бы! Она означала, как минимум, что война окончена и одна из сторон уже готовит пакт о перемирии...

В конце концов он бросил созерцать мансарды над Сеной, отвернулся от заката и встретил ее ждущий, внимательный, невольно уважительный взгляд. И не заметил его. По крайней мере, ничего не изменилось ни в выражении лица, ни в позе, ни в глазах под розовыми стеклами модных очков. Может, лишь на мгновение дольше обычного длилась пауза, пока он не спросил привычно покорным тоном:

– Ты слышала о кафе «Купол»? Там в свое время бухали Хемингуэй, Модильяни, Шагал... Пойдем туда?

Она даже не сразу ответила – так была потрясена своим открытием и отсутствием его реакции. Помолчала, смутившись, замялась... ну и выдала, конечно, первое, что пришло в голову:

– Нет, не хочу.

Он улыбнулся, так как ждал этого ответа. Улыбнулся по-своему – опустили уголки странных бледных губ, а по глазам пронеслось что-то темное, похожее на равнодушие. И он сказал спокойно, даже безмятежно:

– Ну, тогда пошли ужинать в «Папашу Ренье»...

Где-то на небе хмельное божество легкомысленно опрокинуло кувшин с амброзией, и в воздухе разлилась такая выдержанная, крепкая нежность, что было очевидно – в этот час, в этом городе не целуются только химеры на Нотр-Дам да эти двое, неторопливо покидающие респектабельную часть города.

Настенька вдруг заметила, что он уже не старается ее развлечь. Он как-то отвлёкся от нее, что ли? Во всяком случае, уже не рассказывает колдовским, чарующе растянутым голосом какие-то байки, не делится возникшими мыслями, не показывает, стараясь завладеть ее вниманием, забавные сценки на улице. Он просто молчал. Просто ел. Просто смаковал вино. Краем глаза она видела, как поднимается и опускается кадык на смуглой шее. Так же медленно, без аппетита, без отвращения, клал в рот куски картошки под майонезом и, пока жевал, смотрел в открытые витрины кабачка терпеливо, снисходительно и равнодушно. Он видимо скучал. Только однажды вдруг улыбнулся, заметив сбоку у барной стойки нелепую лохматую собаку.

Пес лежал на кружевных лоскутках в низкой плетеной корзине и жадно принюхивался к пенной жидкости, которая с подозрительно знакомым шипением лилась в его фаянсовую миску...

– Что они ему там наливают? Шампанское, что ли?! Точно... Ну, красавцы!!

– М-да, «Гринписа» на них нет, – одобрительно согласилась Настя.

А потом отвернулась и тоже стала есть. Четко осознавая, что это ее последний вечер в лучшем городе мира, она уже не так остро чувствовала разочарование и тоску от уходящего времени, скорее – нетерпение. То нетерпение, которое посещает нас перед отъездом, чемоданное настроение... Она уже представляла, как в прохладном номере упакует купленные сегодня подарки – четки, эбонитовый крестик, шар с Эйфелевой башней... Воображала, как будет все это дарить – родителям, бабушке, подругам. Она уже видела благодарные глаза мамы и умиренные отца...

И вдруг – такая непобедимая грусть, такая злость на себя и этот затянувшийся вечер... Что она здесь делает?! Зачем ей нужна эта картошка, настолько острая, что приходится все время ее запивать, это вино, от которого уже туман перед глазами, эти взгляды – доброжелательные и насмешливые. Ими, не стесняясь, ласкают ее бармен, наряженный в матроса, и хозяйка – она старше его лет на пятнадцать, но у них такой откровенный флирт, что лучше бы уж они его скрывали. Зачем ей этот пьяный пудель, спотыкающийся о собственный хвост, и несносное чувство – то ли вины, то ли страха, то ли вражды, то ли нежности к этому почти ручному и уже не стремящемуся к ней чудовищу?

Внезапная усталость схватила за плечи и так расслабила позвоночник, что держать его прямо стало больно – еще немного, и она плюнет на осанку и приличия, развалится за столом, наподобие его, вытянув ноги и откинувшись на жесткую спинку лавочки. Это был не крик души – скорее стон. И чуть ли не первая, совсем искренняя мысль, высказанная за три дня. Глядя перед собой, обращаясь, видимо, к сумеркам, или к ангелу, или еще к кому-то, она тихо пожаловалась:

– День бесконечный... Надоел как этот Париж, до чертиков просто... Быстрее бы все это кончилось, что ли...

Убийственность фразы она осмыслила, не успев договорить. Не зная, краснеть или бледнеть, обмерла, снова уставившись на его руки, – скрытая в них сила могла проломить добротную столешницу, но они продолжают спокойно катать мягкие хлебные шарики по красным клеткам скатерти.

Она вскочила, подброшенная стыдом или инстинктом самосохранения, не очень сознавая, что делает. Просто не могла больше сидеть рядом с этим молчаливым, медленно дышащим существом. И направилась к узкой дверце в углу.

Грубая алюминиевая рама, умывальник, пол, освещение, весь дизайн туалета создает иллюзию, будто находишься в трюме военного корабля. Она прилежно смотрит в зеркало, не

видя отражения – так оглушительно, в ритм сердцу, стучат в голове два слова, которые он произнес блеклым, как эхо, слишком ровным голосом:

– Ты права.

После этого стало совсем хреново. Почему? Ведь он просто согласился с ней, как соглашался всегда, потакавая ее капризам и настроению. Что это значит? Что он отказался от борьбы? Или просто не собирался бороться? Может, она все это сама себе придумала? Он ведь ни разу ни о чем не попросил, ни в чем ее не упрекнул... Да этого и не требовалось. Она отлично справлялась с этим сама – ела себя поедом почти без передышки.

Ясно одно – она не оправдала ни его надежд, если они, конечно, были, ни своих ожиданий, ни щедрости и красоты Парижа... ничего! Наверное, надо было просто его трахнуть, как выражается Лерка, стимульнуться. Конечно, Лерка бы так и сделала. И была бы права.

Но она так не умеет. Несмотря на то что давно обитает рядом с «клоакой шоу-бизнеса», будучи лицом молодежного телеканала со всеми вытекающими. И все же она явно не из тех удачливых самок, кто с удовольствием и чувством выполненного долга большую часть жизни динамят, раскручивают, разводят, трясут и перетряхивают разных там папиков-шмапиков, пупсиков и других представителей «элиты», которые, что и говорить, в большинстве своем более чем заслуживают такого обращения. Она так не может, не хочет, да и незачем ей это – девочке из хорошей семьи, у которой с детства было все то, за что другим приходится долго и трудно бороться.

И он не из тех, кого можно вот так легко, просто и безнаказанно динамить, раскручивать, разводить...

Они, видимо, ошиблись друг в друге, и эта ошибка теперь дорого обходится обоим.

Настя опустила голову – так было легче сфокусировать взгляд на воронке в глубине стальной раковины. Туда, закручиваясь в страшном водовороте, убегала вода и текли ее мысли. Маленький сеанс аутотренинга: успокойся... он взрослый человек... оба вы – взрослые люди... И ты ни в чем не виновата. Он хотел, чтобы ты поехала с ним. Он хотел этого – и он это получил. Если он ожидал чего-то другого – это его проблемы. Ты, разумеется, дура, что не смогла получить удовольствия, а еще больше дура, что, зная себя, согласилась – ведь могла же это предугадать! Ладно... Завтра все закончится... все вернется на свои места...

В дверях туалета она столкнулась с вежливой, убийственно элегантной дамой. Дама улыбнулась, вызвав очередной произвольный приступ зависти глубинным спокойствием, уверенностью во всем в этой жизни.

Настя машинально извинилась: «Пардон»... – надо же, уже начала говорить по-французски... Пропустила даму внутрь и... застыла на месте, продолжая удерживать скользкую дверную ручку, а точнее – держаться за нее. Потому что все вдруг поехало. Стойка, бармен, столики с красными салфетками, тусклые шары светильников. Единственное неподвижное и четкое пятно в этой карусели – серый свитер с темным треугольником выреза на шее, а над ним лицо, наполовину скрытое волосами. Он снял очки и теперь держал их в повисшей руке, как чугунную гирию. Она, конечно, не подумала, что перед ней раненое животное – она никогда не видела раненых животных и уж точно не заглядывала им в глаза, только... это не были глаза человека. Скорее он был похож на смертельно одинокого зверя – такие глаза она видела у старого орангутанга в зоопарке, ей тогда было лет одиннадцать. Снизу вверх, как в рапиде, и в то же время почти мгновенно оттиснулся на расплавленном сердце этот образ: удлиненный подбородок, скривившиеся губы, кожа тщетно борется с земным притяжением, крупный прямой нос и выше... Конечно! Это было еще раньше. И вот теперь в надменную темноту чужого города устремился взгляд медленно умирающего в волшебном саду, несчастного влюбленного монстра из старого мультфильма про аленький цветочек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.